

«ОСТРОВ РОССИЯ» КАК ЕВРАЗИЙСКИЙ МИНИМУМ

РУСТЕМ ВАХИТОВ

*Кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета (г. Уфа),
исследователь евразийства и традиционализма, политический публицист*

«Евразийство Цымбурского»: к постановке проблемы

Вадим Леонидович Цымбурский не скрывал своего антиевразийского настроения, который виден уже по знаменитой его статье, где была изложена концепция «Острова «Россия». Сегодня, после того как были найдены неопубликованные труды Цымбурского, в частности, текст его незаконченной диссертации, выясняется, что это была не просто интуитивная антипатия. В.Л. Цымбурский очень внимательно читал евразийцев — как классических, так и современных ему, и имел свою оригинальную и весьма критическую трактовку взглядов евразийцев 1920–1930-х годов¹.

Цымбурский считал, что евразийство было выражением геополитической конъюнктуры 1920–1930-х гг., когда Россия-СССР оказалась отделена от Запада полосой центрально- и восточноевропейских лимитрофов. В евразийской доктрине Цымбурского отталкивали тезис о духовном родстве России и Востока и восприятие продвижения в Центральную Азию как естественного органического вектора российской

геополитической экспансии. Россия для Цымбурского все же не столько Евразия в понимании Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого, сколько «целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы»². Цымбурский отрицал органичность восточных провинций империи и считал Россию чуждой Востоку, остроумно ссылаясь тут ... на работу евразийца Н.С. Трубецкого об Афанасии Никитине.

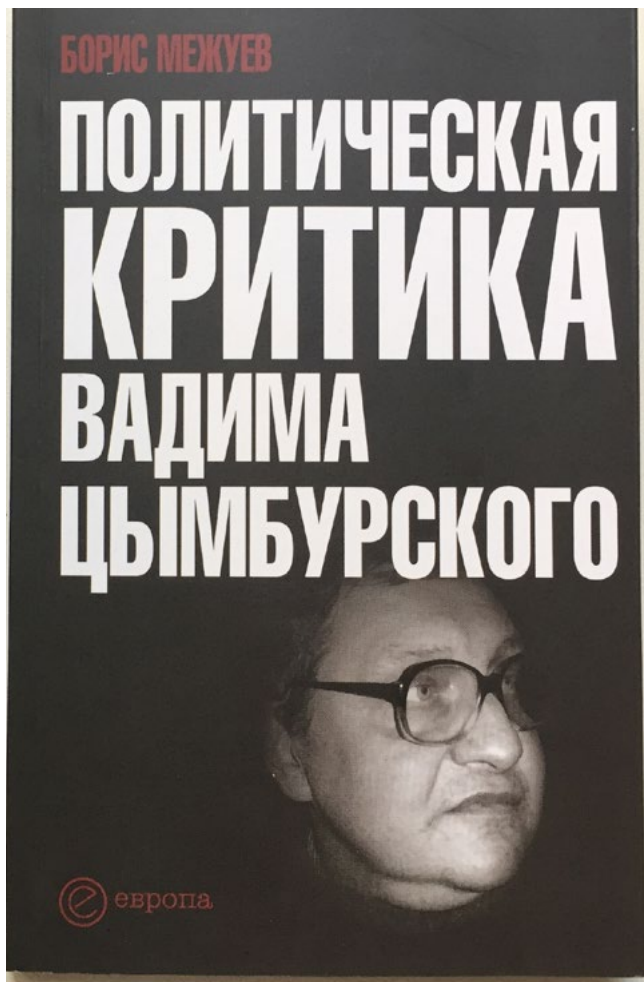
Но самое главное, что отталкивало Цымбурского в евразийстве, это, как известно, «имперскость», стремление к расширению российского государства за счет Казахстана, Центральной Азии, Украины, Белоруссии. Если с позиций евразийства распад СССР был геополитической катастрофой, утратой Россией сво-

В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЦЫМБУРСКОГО ЕВРАЗИЙСТВО ОЧЕНЬ ЧАСТО ПРЕДСТАЕТ КАК ДОКТРИНА БЕЗГРАНИЧНОГО ИМПЕРСКОГО РЕВАНША

их исконных, имперских территорий, откатом к границам допетровской Руси и утерей всех геополитических предпочтений, добытых российской державой за последние три столетия, то для Цымбурского, наоборот, постбеловежская РФ — это возвращение к норме, к той исторической развилке, за которой началась гибельная погоня

¹ Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность Б.В. Мезуеву и Г.Б. Кремневу за предоставление возможности ознакомиться с этими неопубликованными фрагментами работы В.Л. Цымбурского, которая готовится к напечатанию.

² Цымбурский В.Л. *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы: 1993–2006. М., 2007. С. 7.* Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи.



за «миражом великодержавия», возможность «переиграть» судьбу России, отказаться от опасных и непосильных «имперских прожектов», сосредоточиться на обустройстве своего собственного «Острова Россия»...

Евразийство для Цымбурского было «азиопством», или, если выразиться более нейтрально, «азияфильством», и оно воспринималась им как одна из двух крайностей, противоположная «западофильству», концепции, насильственно вписывающей Россию в Европу. Евразийство, если выразиться метафорами самого Цымбурского, — это попытка «похищения Азии» Россией...

Однако в свое время Б.В. Межуев уже указывал на то, что концепция «Острова России» изначально могла быть понята самыми разными способами и что «либерал, и славянофил могли найти в этой идее что-то свое»³. Тезис, который я собираюсь доказать, состоит в том, что нечто свое в концепции Цымбурского способен обнаружить и евразиец и что, с одной стороны, в идеях Цымбурского была латентная евразийская составляющая, а, с другой, — при некотором изменении угла зрения эти идеи вполне могут оказаться сходными с евразийским пониманием России.

³ Межуев Б.В. *Политическая критика Вадима Цымбурского*. М.: «Европа», 2011. С. 104.

Если же сам Цымбурский этого «не видел», то, полагаю, во многом виной тому политическая конъюнктура тех лет, когда исторические обстоятельства вынудили его полемизировать с евразийством, да к тому же в его новейшей и поздней, не во всем адекватной форме...

Понимание этого, видимо, уже приходит: совсем недавно исследователь творчества Цымбурского А.П. Цыганков назвал его «умеренным евразийцем» и добавил: «Русская Евразия» Цымбурского стала новым своеобразным витком развития евразийской мысли на этапе поисков постимперского сосредоточения страны...»⁴. Но мне кажется, что, характеризуя воззрения Цымбурского как «умеренное евразийство», мы привносим в наш анализ не совсем уместный оценочный момент, ведь тогда выходит, что при этом мы априори считаем евразийство Трубецкого и Савицкого, так сказать, слишком радикальным... Необходим, очевидно, более взвешенный и объективный взгляд на их соотношение.

Евразийцы и Цымбурский в поисках «естественных границ» России

В интерпретации Цымбурского евразийство очень часто предстает как доктрина безграничного имперского реванша. Так уж получилось, что после почти 70-летнего забвения евразийство явилось российским интеллектуалам, будучи преломленным через эклектичный набор идеологием А.Г. Дугина, который называл евразийством фантазмагорический проект «континентальной империи», простирающейся далеко за границы «месторазвития Евразия» — от Германии до Японии. Это не значит, что Цымбурский не был знаком с трудами настоящих, классических евразийцев (я уже упоминал, что он их читал весьма внимательно), но, возможно, флюиды «дугинизированного евразийства», щедро рассыпанные в самом «воздухе» девяностых, приводили к некоторым флуктуациям в восприятии самой доктрины. Иначе как объяснить тот факт, что от пронизательно взгляда российского геополитика практически ускользает, что главная тема евразийства — не расширение России, а ее «критика» в кантовском смысле этого термина, иными словами, выяснение ее «естественных границ». И в этом смысле евразийцы решали ту же историческую проблему (разумеется, с поправкой на свою историческую ситуацию), что и Цымбурский.

Евразийство возникло в 1921 г., когда распад Российской империи практически завершился, в котле гражданской войны выплавилось новое постимперское государство, которое через год, в де-

⁴ Цыганков А.П. *Островная геополитика Вадима Цымбурского* // «Тетради по консерватизму», 2015, № 1, с. 14.

кабре 1922 получит свое название — СССР. Это постимперское государство по своим размерам заметно уступало России Романовых: отпали Польша, Финляндия, Прибалтика, Западная Украина... Причем евразийцы в отличие от реваншистских течений русской эмиграции признали нормальность, естественность границ этого геополитического наследника Российской империи. Выдвинутая Савицким теория «месторазвития Евразия» служила геополитическим обоснованием утери старых территорий (ведь Россия-Евразия была меньше, чем Российская империя, которая для большинства эмигрантов была тождественна России вообще). Более того, евразийцы заявляли, что присоединение к империи Польши, Финляндии, Прибалтики было избыточным: Россия при этом вышла за свои естественные границы, вторглась в Европу и «похитила» у нее названные территории, которые были ничем иным, как восточными окраинами европейского месторазвития, и в этом состояла одна из причин глубокого внутреннего кризиса России...

Фактически то же самое утверждал и Цымбурский в 1990-е гг., после распада СССР и образования постсоветской Российской Федерации. Любопытно, что в этом смысле Цымбурский, считавший себя антиевразийцем, занял позицию, похожую на позицию евразийцев 20-х, а Дугин, объявивший себя евразийцем, — позицию, напоминающую позицию их оппонентов из лагеря имперцев-реваншистов. Цымбурский, подобно евразийцам, предлагал исходить из факта постимперской ситуации и в связи с этим попытаться заново осмыслить саму суть России. Дугин, подобно врагам евразийцев, просто призывал вернуть как минимум всё, что раньше входило в СССР и сферу его влияния.

Конечно, сами естественные границы России Цымбурский и евразийцы понимали по-разному, но и здесь между ними имелась точка соприкосновения...

Евразийский минимум и евразийский максимум

Как известно, основная идея классического евразийства как геополитической доктрины состоит в том, что Россия — это не Европа и не Азия, а особая цивилизация, для которой характерен симбиоз культур Леса и Степи и, соответственно, географический ареал ее — смычка Леса и Степи.

Выше уже отмечалось, что, по мнению евразийцев, «естественные границы» России-Евразии

примерно совпадают с границами СССР до 1939 г. Но это ведь в случае предельного расширения евразийского государства, когда оно заполняет практически всё месторазвитие. Однако, как гласит поговорка, «Москва не сразу строилась», другими словами, государство Россия не сразу заполнило всю Евразию (в специфическом, евразийском смысле этого слова). С Россией это произошло только в конце XIX в., после завоевания Средней или, как теперь модно говорить, Центральной Азии. Некогда российско-евразийское государство было уже месторазвития, и чем больше мы отматываем «пленку истории» назад, тем уже и уже становится это государство, отдаляясь от своих гипотетических естественных границ и сжимаясь к центру. Наконец мы подходим к исходной точке, за которой Россия уже не Россия-Евразия, а просто Русь, система речных государств, которые не являются евразийскими, потому что расположены в зоне Леса и не имеют хоть какой-то смычки Леса и Степи.

В этот период будущая Россия-Евразия — это Московское княжество до завоевания Казани, географически привязанное к междуречью Оки и Волги. Напомню, что евразийцы отказывались признавать такие государства геополитическими предшественниками Российской Империи и СССР (Н.С. Трубецкой писал это о Киевской Руси: «Государство ... на тер-

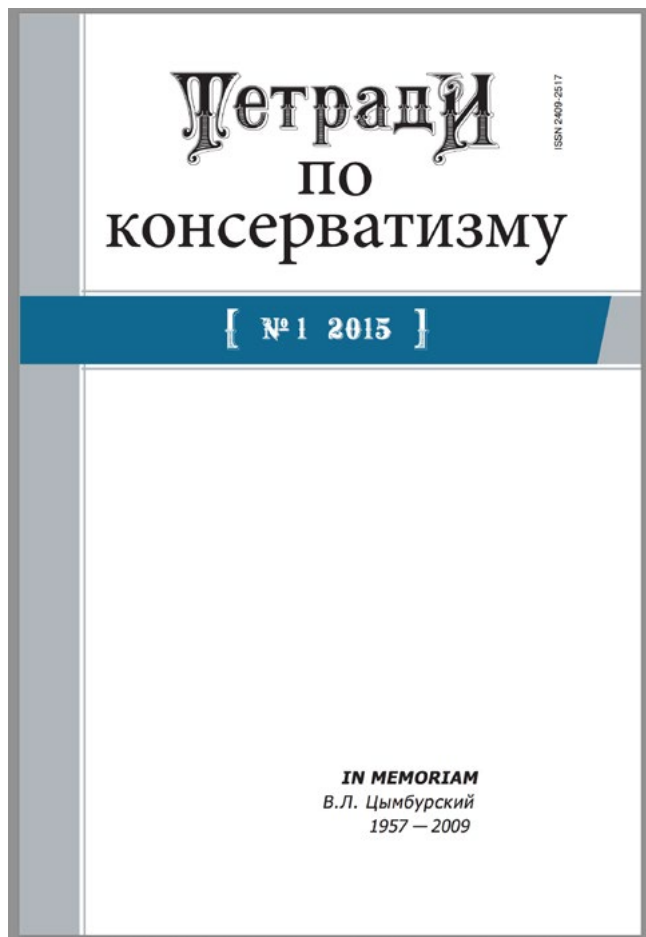
ЦЫМБУРСКИЙ СЧИТАЛ, ЧТО РОССИЯ – ЭТО НЕ ЕВРОПА И НЕ АЗИЯ, А ОСОБАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЦЕЛОМ РУССКАЯ, НО С «ИНОЭТНИЧЕСКИМИ ВКРАПЛЕНИЯМИ»

ритории Европейской России (то есть имперское, большое государство. — Р.В.) в те времена было невозможно ни для одного из этих оседлых, привязанных к тому или иному речному бассейну государств, ибо на пути к Черному и Каспийскому морям лежала широкая полоса степи⁵). Только присоединив Казанское ханство, то есть переступив Волгу и пойдя дальше — в Поволжье, к Уралу и к Сибири, Московская Русь стала Россией-Евразией, пусть пока и в миниатюре, в зародыше. И существует точная историческая дата превращения Московской Руси в Евразию — это XVI век⁶.

Так утверждает «ортодоксальная евразийская теория». Проницательный читатель, вероятно, уже заметил, насколько это похоже на концепцию

5 Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с запада, а с востока // <http://sunapse.ru/rushistory/Statie/Statie59.html>

6 Между прочим, доевразийская Русь также не была этнически однородной: междуречье Оки и Волги до прихода туда славян было населено финскими народами; ассимиляция их проходила медленно, и доевразийская Русь вполне может считаться славяно-финской цивилизацией. Отсюда видно, что Евразией Русь сделала не простая многонародность, а славяно-тюркский симбиоз.



В.Л. Цымбурского. Ведь и Цымбурский искал ответ на вопрос: когда Россия стала Россией? Еще в его «Острове Россия» были следующие слова: «...какую часть “хартленда” или “лесостепного” комплекса должна потерять Россия, чтобы более не быть той Россией, которую мир знал веками? ... Теории Макиндера и наших эмигрантов-евразийцев никак не отвечают на эти вопросы и потому оказываются не в состоянии геополитически идентифицировать Россию» (с. 6).

Отматывая «пленку истории» назад, во времена, когда в состав России еще не входили Средняя Азия, Кавказ, Закавказье и Украина, Цымбурский неожиданно приходит к той же исторической точке, что и евразийцы, — к XVI веку. «Россия как геополитический объект ... это целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы, не относясь к ней, и уже в пору своего конституирования в XVI в. превзошедшая коренную Европу площадью, а в XVII в. образовавшая особую платформу, заполнив пространство между Европой и Китаем», — пишет Цымбурский и поясняет: «Органической частью становления самого Московского царства было решение “казанского вопроса”, т.е. уничтожение на востоке последнего опасного антагониста, способного грозить жизненным центрам страны,

и прорыв русских в кажущуюся беспредельность восточных трудных пространств: степей, тайги, тундры, океанов» (с. 8).

То же касается и лесостепной природы евразийского месторазвития. «Сегодня к перечисляемым там признакам (признакам Острова Россия, указанным в одноименной статье. — Р.В.) я добавил бы еще один, сугубо физико-географический: преимущественную опору нашего государства во все 450–500 лет его существования, вопреки евразийцам с их степняческой патетикой, на лесную и лесостепную зону северной Евро-Азии...»⁷ — пишет Цымбурский в статье, подводившей определенные итоги «приключениям» его концепции. Мои оппоненты не преминут указать на эту оговорку: «вопреки евразийцам». Действительно, евразийцам 20-х годов был свойственен значительный крен в сторону «степелюбия», на что обращает внимание и Цымбурский: «Не более приемлема и та версия теории “хартленда”, которую без упоминания имени Макиндера пропагандировал П.Н. Савицкий, видя генотип государственности “России-Евразии” в географическом и экономическом соединении “лесного” и “степного” компонентов, с особым акцентированием роли степи» (с. 6). Но крен этот носил, думаю, полемический характер: дискутируя с западниками и отстаивая неевропейский характер российской цивилизации (который признавал и Цымбурский!), евразийцы впадали в другую крайность, подчеркивая начало Степи и роль степных народов. Однако евразийская теория как таковая этого вовсе не требует, с ее позиций достаточно наличия смычки Леса и Степи, пусть даже и незначительной по площади, особенно если речь идет о первоначальной России-Евразии...

Можно также возразить, что Цымбурский отстаивал чуждость друг другу русского и тюркского начал: «Взорвав Орду и решив казанский вопрос, гордая своим православием Россия глядела на Восток “островом”, не сливаясь с ним» (с. 11). В другом месте он даже писал об иноэтнических вкраплениях в русский остров: «Россия обретает черты гигантского острова внутри континента, русского острова с иноэтническими вкраплениями» (с. 10). Тем не менее, не будем забывать о его предостережении не воспринимать концепцию «русского острова» в духе лозунга «Россия для русских»: «Слова о “нише русского этноса” не означают солидарности с идеей “России для русских”, а лишь тот банальный факт, что веками проживание народов Поволжья, Урала и Сибири в одном государстве определялось включением

⁷ Цымбурский В.Л. «Остров Россия» за семь лет: Приключения одной геополитической концепции // Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011. С. 40.

собственных географических ниш этих народов внутри оформленной в виде такого государства русской этноцивилизационной платформы» (с. 7). Иноэтнические вкрапления ведь определенным образом сосуществуют с русскими, а значит, можно говорить о цивилизационном симбиозе... Одно это, кстати, заставляет усомниться в правомерности слов теоретиков русской национал-демократии, которые поспешили превратить концепцию Цымбурского в свое знамя, как водится при этом, значительно ее упростив и выхолостив ее сложное, неоднозначное содержание...

Итак, Цымбурский, как и евразийцы, считал, что Россия — это не Европа и не Азия, а особая цивилизация — в целом русская, но с «иноэтническими вкраплениями». Расположена эта цивилизация в северо-западной части смычки Леса и Степи, между Волгой и Дальним Востоком и возникла она в XVI в., когда русские стали заселять заволжские области, двигаясь на восток — к Уралу и Сибири... Наконец, Цымбурский был согласен с евразийцами в критике прозападной ориентации петербургской России.

Естественно, Цымбурский был во многом противоположен евразийцам, ведь там, где для них началось закономерное расширение России-Евразии, для Цымбурского началось нежелательное вторжение в восточные и южные области

евразийского Лимитрофа. Но при всем при том, Цымбурский, по-моему, оригинальный и парадоксальный (хотя и латентный и даже бессознательный) создатель своеобразной евразийской теории, и его заслуга перед евразийством состоит в прояснении минимальной естественной границы России-Евразии...

Россия-Евразия имеет, так сказать, свой максимум — территорию, примерно совпадающую с СССР в границах до 1939 г. Выходя за его пределы, Россия перестает быть евразийской державой и становится европо-евразийским кентавром — странным, неестественным и пугающим. Но Россия-Евразия имеет и свой минимум: если Россия станет меньше этого евразийского минимума, она превратится в неевразийское «осколочное» государство вроде Киевской Руси или Московии до завоевания Казани. И если евразийство 1920–1930-х гг. акцентирует внимание на максимальной естественной границе месторазвития Евразия, то Цымбурский — на минимальной. Таково соотношение учения евразийцев и «латентного евразийства» В.Л. Цымбурского — теорий, которые каждое по-своему пытались «найти Россию» в «ее минуты роковые», или, выражаясь менее поэтично, в периоды ее геополитического и, как следствие, идентификационного кризиса.